

УЦЕЛЕВШИЕ

Александр Орлов

Несколько лет назад, прочитав рукопись «Кравотынь», мне позвонил Александр Петрович Торопцев и назначил встречу в Центральном доме литераторов. Вечером я был свободен и устремился в ЦДЛ. Александр Петрович уже дожидался меня и сходу принялся за обсуждение:

— Ты понимаешь, Александр Владимирович, я бы сказал, что истории твоей рукописи все грустные, но честные, и это не детективные погрешности, это сама жизнь, судьбы людей, о существовании которых в Советском Союзе я, например, даже не догадывался. И знаешь, Саша, хочется продолжения.

— Думал я о продолжении, но не созрело оно во мне ещё. Да, есть пара историй, только сил нет на них. Я когда писал «Кравотынь», всё время вспоминал Астафьева, Воробьёва, Богомолова, Бондарева: сколько же внутри у них существовало того, что нам они открыть так и не смогли, а как жить с этим?

Александр Петрович напряжённо молчал, опустил глаза, вздохнул и включился в разговор:

— Да, Саша, ты в рассказе «Первые осенины» затронул тему насилия над женщинами во время войны. Ты сам знаешь, война «наградила» россиянок незаконнорожденными детьми, их было немало. Недавно, работая над книгой «Звезда незаконнорождённых», я прочитал публикацию корреспондента газеты «Труд» Александра Федосова о советском матросе Гаврииле Астахове, жителя Орла. Тот ходил после войны на остров Диксон и увидел там запрещённое: город из сотни

бараков. В каждом бараке жило около трёхсот молодых женщин, украинок и белорусок с детьми, родившимися от гитлеровцев.

— Женщины с оккупированных территорий, — протянул я.

— Да, так вот представляешь, сколько было таких барачных городов? На севере, юге, востоке великой страны? Сколько детей в них жило, сколько выжило? Где сейчас эти люди — наши соотечественники? В чём они, дети, виновны перед человечеством, перед русскими людьми? Очень сложная тема, время пришло вспомнить и о них...

— Я вот думаю, ведь ты только первый шаг сделал в своих рассказах, и в «Юродивых днях», и в «Плодоносном большаке», а мы не написали, не осмыслили характер молодой женщины 1945—1955 гг. Мужики тех времён говорили мне: «После войны любую женщину можно было снять за иголку». Один мой родственник в конце 1945 г. из Германии приволок чемодан, набитый иглками. Бабы вешались на него пачками. Почему? Да потому что танки мы делали лучшие в мире, а с иглками у нас закавыка вышла. Это он мне рассказывал за несколько дней до гибели Гагарина. А чуть позже я увидел фотографии 1944—1945 гг., на которых были женщины, впрягшиеся в плуг.

— Когда говорят о женщинах времён военного и послевоенного времени, я всегда вспоминаю четырёх своих прабабок, которые с 1931 по 1941 г. потеряли своих мужей в сталинской чистке и в первый военный год. Проживая в авторитарном и атеистическом государстве, они не только сохранили верность брачным узам, а все они были венчаны, но и воспитали в традициях православной веры детей и внуков. Как мне не удивляться потрясающему житейскому видению настоящих славянок — Анны Орловой, Ирины Мазановой, Марии Медовниковой, Ефросиньи Стрельцовой. Последнюю помню отчётливо, помню, как прятался от неё, а она всё время меня находила. Баба Фрося была слепая, зрение испортила во время обороны Москвы, тушила зажигалки на крышах домов, но слух у неё был отменный.

Незадолго до смерти она подозвала меня, как всегда, сунула мне конфеты с ягодной начинкой и пять рублей. Тогда пять рублей был целое состояние, я учился во втором классе и коржик в столовой стоил шесть копеек, а чай — копейку. Мы долго сидели с ней вдвоём, она держала меня за руку, а потом я ушёл. Вскоре после похорон бабы Фроси я кинулся к шкафу, где лежали её вещи, и к своему удивлению нашёл медаль «За оборону Москвы». Вернувшись домой, я всё искал её рубль, который решил никогда не тратить в память о ней... Только рубль этот я так и не нашёл. А фотографии военного и послевоенного времени я видел с десятилетнего возраста, а потом убежал с последних уроков, чтобы посмотреть документальный сериал *The Unknown War* или «Великая Отечественная», так его называли в СССР, с Василием Лановым и Бертом Ланкастером. Двадцать серий! Ни одной не пропустил! На тройки сехал, математику вообще забыл, тренировки забросил, но ни одной не пропустил. Только сейчас я, всё чаще вспоминая этот фильм, думаю о речи Черчилля в Вестминстерском колледже в Фултоне 5 марта 1946 г. и вижу наших вдов и сирот, впрягающихся в плуг. Временами я считаю, что мира для России нет и никогда не будет в умах правителей всех ведущих мировых держав. Исторический опыт указывает на это, а опыт — это всего лишь осмысление прошлого: нас элементарно хотят поработить, колонизировать. Во время Великой Отечественной мы потеряли около тридцати миллионов военного и гражданского населения, была уничтожена треть национального богатства страны на оккупированных территориях, разрушены промышленность и сельское хозяйство, двадцать пять миллионов человек остались без крова, я не говорю уже об экологической катастрофе, о том, что мы уже около века находим неразорвавшиеся боеприпасы. А как говорить о людях, их судьбах? Советский Союз находился в состоянии вынужденного послевоенного восстановления, затянувшегося на десятилетия, а они нам — холодную войну, так значит, им была выгодна чудовищная Вторая мировая, разве нет? Как русский человек, историк, литератор, я верую, что у России есть только один путь для сохранения себя — это создание военно-религиозного государства. В противном случае существует колоссальная угроза всей православной цивилизации.

Александр Петрович уже курил одну за другой, он продолжил:

— Да, и я так думаю, выбора нам никто не оставляет. И вот ещё что, по поводу изнасилованных советскими солдатами несчастных немецких фрау, о чём написано в твоём рассказе «Последние осенины», я тебе так скажу... Мой учитель психолог Ф. Н. Шемякин рассказывал вот какую историю: он оказался в Берлине сразу же после взятия германской столицы советскими войсками и работал редактором газеты *Tegliche Rundschau* («Теглихе Рундшау»), первые номера которой вышли уже в мае 1945 г. Через неделю в редакцию явились два стройных, офицерской выправки молодых человека. Фёдор Николаевич моментально определил: бывшие эсэсовцы. Один из них, постарше и понахрапистей, сразу же перешёл к делу. Представился и сказал, обращаясь к редактору от немецкой стороны, ведь майор Шемякин был редактором от русской стороны:

— Вы обещали писать правду и только правду, поэтому убедительно прошу вас напечатать данный список немецких женщин, изнасилованных русскими солдатами. Здесь сто фамилий. Посетитель положил на стол редактора несколько машинописных страниц текста, сделал чёткий шаг назад, гордо поднял голову и добавил, глядя в стену:

— Здесь же указаны адреса. Это не фальшивка. В комнате воцарилась неловкая тишина. Два советских молодых старших лейтенанта, майор Шемякин, два немецких сотрудника газеты, главный редактор, посевший в концлагере, и два гордых посетителя. Шуршание страниц, шум машин за окном...

— Адреса указаны? — спросил майор Шемякин.

— Да, верно, — был чёткий ответ.

— Товарищ старший лейтенант! — Шемякин обратился к одному из корреспондентов.

— Я прошу Вас узнать и записать со слов потерпевших подробности. Он говорил на немецком языке, который изучил, будучи в Германии между Первой русской революцией и Первой мировой войной. Старший лейтенант удивлённо ответил на немецком же языке:

— Есть!

Шемякин перевёл взгляд на посетителей:

— Я Вас очень прошу сопроводить наших корреспондентов по указанным вами адресам. Это важный материал, мы обязательно напечатает его в ближайшем номере. Машина стоит у подъезда. Корреспонденты спустятся к вам через пять минут. До свиданья! Посетители вышли, почему-то не очень гордые, но этого никто, кроме майора Шемякина, не заметил.

— Что вы наделали, Фёдор Николаевич! — схватился за голову немецкий редактор.

— Вы не волнуйтесь, — успокоил его Шемякин.

— Пусть они покатаются с ним на джипе. Вернутся — поговорим, подумаем, что делать. Ступайте, уважаемые! И, прошу Вас, не упускайте ни одной подробности! Через три часа молодые лейтенанты вернулись. Их радостные лица успокоили немецкого редактора.

— Ну, рассказывайте! — не в силах сдержать улыбку сказал Шемякин. Рассказ был следующий. Первая немецкая женщина, увидав русских солдат, даже не хотела пускать их за калитку. А когда узнала о цели визита, дала волю чувствам. Да, изнасиловал. Ворвался в дом, пугал пистолетом, изнасиловал, выпил бутылку шнапса. Изнасиловал, как все русские свиньи насилуют. Вы пишете, пишете. Пусть все знают. Как он выглядел? Да все русские свиньи на одно лицо. И далее последовал грубый перечень скверных немецких слов, таких скверных, что отличник старший лейтенант их просто не знал. Старательно записывая злую исповедь оскорбленной женщины, молодой журналист внутренне содрогался: «Что же мы наделали?! Как же это печатать?!» Вторая женщина за калитку ихпустила, разговаривала охотно и не грубо. Да, был солдат. Глаза голубые, волосы светлые. Он мне окно отремонтировал, я его угостила. Что он такого сделал? Почему вы меня допрашиваете? Ничего он у меня не взял, ушёл рано. Остальное не ваше дело. Третья женщина презрительно посмотрела на бывшего немецкого офицера и сразу пошла в атаку. Да, был солдат. Два раза приходил. Вот его работа, видите? — ступени, доски свежие. И дверь он перевесил. А хоть и было — вам-то что?.. Вы нас оставили без мужчин на шесть лет. Теперь ни мужа, ни братьев. Где они?.. Немка говорила напористо, но не зло. Женским чутьём она понимала, как трудно ей будет жить в последующие годы, как долго Германия

будет восстанавливаться. И говорила она, то и дело посматривая на стройного соотечественника. Ещё два адреса осилил бывший немецкий офицер, получил там по порции по-женски жёстких слов и вдруг исчез в неизвестном направлении. Молодые журналисты разговорились с хозяйкой, которая сказала на прощание: «Не печатайте эту глупость! Солдат зашёл ко мне случайно. Он искал сестру и мать, но на нашей улице не было русских рабочих. Он был добрым. Сейчас нужно быть добрыми». Они простились с ней и вернулись в редакцию. Молодой военный корреспондент закончил свой рассказ вопросом:

— Но как же вы догадались, Фёдор Николаевич?!

— Не поверил я, что такое может быть. Масово. Вот и всё.

— Такое вот «изнасилование по-русски», — подвёл итог Александр Петрович.

— А где служил Шемякин? — поинтересовался я.

— Фёдор Николаевич был сотрудником института психологии Академии педагогических наук РСФСР. Немецкий язык знал в совершенстве. Во время войны служил инструктором политуправления в штабе армии генерала Горбатова, 1-го Белорусского фронта, а в конце войны в штабе маршала Жукова.

— Учитель мой — стоящий мужик был! А тебе надо обязательно продолжение «Кравотыни» написать, может, и мои истории пригодятся. Не знаю, как ты отпраздновал пятидесятилетие Победы советского народа в Великой Отечественной войне, но, например, закадычный друг Гельмута Йозефа Михаэля Коля проигнорировал великую дату. То ли спасовал он перед немцем, который в конце войны был мобилизован в ПВО помощником на зенитке, хотя в военных действиях не участвовал. То ли породниться он с Кодем хотел, но, скорее всего, от зависти, по-бабьи мстил своим старшим товарищам, воевавшим, и ходила победители 9 мая 1995 года по Москве, опустив голову, стараясь не лезть людям на глаза. Свидетельству. Видел неоднократно. Именно в те годы дети войны, якобы ратуя за демократию, позволили заполнить прилавки книжных магазинов опусами немецких, английских, американских авторов произведений о Второй мировой войне,

которые унижали и оскорбляли победителей. И процесс этот длился до недавних пор: я всё ещё не вижу на прилавках магазинов хороших книг наших, российских — новых! За четверть века ни одной хорошей книги на прилавках, ни одного достойного, понятного всем, в том числе и 12–25-летним, ответа. Я как-то быстро прервал Александра Петровича:

— 9 мая 1995 года я был с дедом Александром Павловичем Орловым, участником Великой Отечественной на Поклонной горе и всё видел сам. Для моего поколения ветераны являлись недостижимым примером. Мы родились в могущественном Советском Союзе, мы вошли в большую жизнь в момент уничтожения советского государства. Мы были озлоблены! Мы ненавидели Ленина за революцию, Сталина — за репрессии, Хрущёва — за оттепель и продажных шестидесятников, Брежнева — за застой, Горбачёва — за перестройку, но больше всех, сильнее, чем самих себя, мы ненавидели Ельцина за развал СССР. Он был последним, кто уничтожил суть нашего существования, мы погрузились в нравственный хаос, страна превратилась в босяцкую сходку, нас уничтожали как нацию. Молодые, способные люди гибли на полях братоубийственных войн, человеческое общение заменило преступное толковище, умирали от избытка наркоты и алкоголя. Большинство из тех, кто смог уцелеть, спасло возродившееся православие, гены героев Великой Отечественной, Гражданской, Первой мировой... мы выжили как нация благодаря героике Российской державы... и мы никогда и ничего не забудем!.. А написать ничего больше не смогу — измотанным себя чувствую. Когда видел в коридорах Литературного института наших фронтовиков — Туркова или Лобанова — смотрел им вслед, понять пытался, как они с таким грузом живут... мужества у них сколько!

— Вот за это мужество их и осудили, Саша, мировая история убедительно свидетельствует, что победителей судят — да ещё как! Особенно демократически растрёпанная толпа. Особенно после гибели победителей. Тут уж хлебом не корми — дай позабавиться. Судили русского солдата за всё! Судили его даже те, кто не хотели его по разным причинам защищать. Нуждаются ли победители в защите? Любый здравомыслящий человек ответит на этот вопрос утвердительно. Было время, когда побе-

дителей Великой Отечественной прославляли, и вполне заслуженно. Слава, всеобщее признание заслуг перед Родиной — это и есть самый надёжный щит. Но в те времена победители были в силе, в том числе и в физической силе. Попробовали бы недруги поглумиться над их славой, над их орденами в 50–70-е и даже в 80-е годы! Торопцев замолчал.

Я прервал паузу:

— А вы заметили, Александр Петрович, нас русских назойливо призывают покаяться, а за что? Разве мы с приходом Гитлера к власти на плечах содомитов-националистов призывали к мировому переделу? Нет! Разве мы придерживались политики «умиротворения»? Разве мы подписали Мюнхенское соглашение? Нет! Разве не Англия, Германия, Италия и Франция фактически оформили расчленение Чехословакии? Разве германское командование не тошнило от фанфаронства генералитета панской Польши, которое призывало к немедленной агрессии против Советского Союза? Разве одновременно с вводом немецких войск в Судетскую область Польша не отторгла от Чехословакии Тешинскую, а Венгрия Подкарпатье? Разве Венгрия с Хорти, Испания с Франко, Италия с Муссолини, Норвегия с Квислингом, Румыния с Антонеску, Хорватия с Павеличем — не призывали к расчленению Советского Союза? Так кто развязывал Вторую мировую войну? Разве мы срывали попытки создания системы коллективной безопасности? Нет! Мы затягивали переговоры? Нет! Всё что было предпринято в результате ответных действий Советским правительством — это адекватные оборонительные меры. После подписания пакта Риббентропа — Молотова западная граница Советского Союза отодвинулась в разных местах от трехсот до шестисот километров, численность населения увеличилась на четырнадцать миллионов, нападение на СССР было отложено. Так разве мы развязали эту войну? Разве нам надо каяться? Разве наш народ работал на гитлеровскую машину? Разве мы, начиная с Первой мировой войны, выстраивали контрационные лагеря? Нет! Мы защитили независимость и суверенитет государства, разгромили фашизм, уничтожили милитаризм, освободили народы Европы, стали примером для национально-освободительных движений в колонизированных странах всего мира. Мы русские, нам каяться не за что!.. **НО**